

А. А. Рогожин

ШВЕЦИЯ И «РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ОПЫТ» КНЯЗЯ Б. И. КУРАКИНА (1676–1727)

«Междоусобице» и политический кризис 1730 года привели к различным интерпретациям историков, оценкам причин и последствий этих событий. Наиболее популярной остается «республиканская» интерпретация 1730 года, но шаги в сторону от первоначальных трактовок привели к тому, что исследователи в работах последних лет все чаще ее оспаривают, хотя и с новых позиций и не возвращаясь к привычной «олигархической версии». Вместо этого предлагается обратить внимание на традиционность политического языка, описывающего происходившие события, и на потенциал к превращениям в границах выстроенной в 1710–1720-е годы административной системы¹. Споры остаются и относительно перечня источников идей «верховников». В числе прочих назывались имена разной степени известности, но особую роль с XIX века играла «шведская модель». В работах П. К. Щебальского, Д. А. Корсакова и особенно П. Н. Милюкова представлена преемственность между политической организацией Швеции второй половины XVII – начала XVIII века и проектами Верховного тайного совета². Эту точку зрения оспаривал Г. А. Протасов³, но спустя несколько десятилетий к этой трактовке вернулись С. А. Седов и С. В. Польской⁴. Последний видел в шведских событиях 1718–1720 годов не столько источник для прямого цитирования, сколько «*пример осуществления легитимного перехода власти от абсолютной монархии к монархии ограниченной законами*»⁵.

Мы предлагаем подойти к этому вопросу иначе, и разговор о трактовках событий 1730 года начать, отступив назад во времени и обратившись к политическим представлениям человека, который, собственно, скончался за несколько лет до «междоусобицы». Известный русский дипломат князь Б. И. Куракин в своих записках оставил свой образ «шведского правления», который, пусть и с некоторыми оговорками, имеет свою ценность в прояснении политических реалий 1730 года. В

¹ Куракин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля: события, люди, документы. М., 2010. С. 35–39, особенно С. 113–116; Бугров К. Д. Политический кризис 1730 г. и идеология провиденциального монархизма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 2 (427). С. 96–104.

² Щебальский П. К. Вступление на престол императрицы Анны. М., 1859. С. 5–64; Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 279–286; Милюков П. Н. Верховники и шляхетство. Ростов-на-Дону, 1905. С. 3–40. См. историографию, в том числе в вопросе о шведских источниках, в Куракин И. В., Плотников А. Б. 19 января–25 февраля ... С. 7–23.

³ Протасов Г. А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Ученые записки. Тамбовский государственный педагогический институт. Вып. XV. Тамбов, 1957. С. 215–231.

⁴ Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 52–53; Польской С. В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 г. // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX вв. Самара, 2001. С. 174–178.

⁵ Там же. С. 178.

конце концов, в числе «верховников» был приятель и «сродственник» Б. И. Куракина, князь Д. М. Голицын, а сын князя, А. Б. Куракин, был одним из составителей «Проекта тринадцати»⁶. Представления Б. И. Куракина, появившиеся благодаря его службе при европейских дворах, не могут быть просто перенесены на других людей, несмотря на очевидные параллели в их интеллектуальном становлении, но все же могут стать ориентиром, началом для дальнейшей работы в этом направлении. Вероятно, прояснив, как воспринималось «шведское правление» одним из вестернизированных представителей русской правящей элиты, можно с несколько иного ракурса оценивать роль «республиканского опыта» для «верховников» и их оппонентов.

Для того чтобы правильно понять представления Б. И. Куракина, стоит прояснить политический лексикон эпохи. Насколько вообще для него могла существовать «конституционная монархия»? Наряду с оперированием триадой форм правления, встречающейся в основном в эрудитской среде, среди работников Посольского приказа, а затем и среди дипломатов петровской эпохи, приобрела популярность типология форм правления, основанная на оппозиции «короны» и «республики». В этом ряду «республика» стала антитезой «монаршическому» правлению. Во второй половине XVII – начале XVIII века «республика» использовалась для наименования формы правления в государствах, где власть принадлежит выборным представителям населения, таких как Венеция, Голландия или Англия эпохи революции⁷. В петровскую эпоху такой способ описания политической организации европейских государств стал особенно распространенным, не в последнюю очередь благодаря проповедям и сочинениям Феофана Прокоповича⁸. Насколько можно судить, Б. И. Куракин с готовностью воспринял именно этот способ описания «правлений» европейских государств и последовательно использовал в своих записках понятия «корона» и «республика». В качестве синонима для первой использовалось, хотя и редко, также «домению абсолюто», а вторая под пером князя могла превращаться во «владение посполитое» или «народное правление. В целом, это противопоставление стало частым риторическим приемом в его записках, отправной точкой для описания тех или иных политических общностей⁹.

Для князя «республикой» было государство, предполагавшее выборных представителей от населения, которые не только ограничивали правителя, но и выбирали его. Наследование трона, несмотря на реальные ограничения в оправлении власти, сразу же отсылало в системе представлений князя к «монаршическому правлению», а не «республике». В письме П. П. Шафирову от октября 1714 года он описывал ситуацию в Англии после восшествия ганноверского курфюрста на английский престол под именем Георга I. Новый *«король аглинский при первом своем прибытии партию вигову принял и в правление все допустил, но торисов всех отставил»*, но это только расстроило политическое равновесие. Переговоры

⁶ Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января-25 февраля ... С. 219–220.

⁷ Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. Т. 6 (153). С. 18–53.

⁸ Бугров К. Д., Киселев М. А. Республиканская идея в России в век Просвещения // Res Publica. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / Под ред. К. А. Соловьева. М., 2021. С. 325–331.

⁹ Архив князя Ф.А. Куракина (далее – АКФАК). Т. III / под ред. М. И. Семевского и В. Н. Смольянинова. СПб., 1892. С. 240.

английского правительства с боровшимися в войне «за испанское наследство» государствами шли только через разрешение парламента, *«все те дела топерь зависят на парламенте аглинском»*. Власть английского короля в этом важнейшем вопросе призрачна, потому что все *«смотрят, которой партии парламент будет сего года, – ежели торисовой, то намерения короля в тех делех и его консилиа в ничто обращено будет»*¹⁰. Однако эта ограниченность власти не препятствовала постоянному именованию Англии «короной», в отличие от Речи Посполитой. Судя по всему, именно наследственная природа королевской власти, несмотря на существующие границы, позволяла считать Англию монархией, а не республикой.

Способность «народа» принимать решения и направлять политику своего государства также становились принципиальными основаниями республики. В частности, именно этими особенностями Б. И. Куракин оправдывал свой относительный неуспех в регулировании голландской печати. По указу Петра I он должен был добиться от голландских печатников, чтобы «в газетах печатать российским, а не московской нации», но в известиях, исходивших не от самого князя, часто использовалось прежнее именование. Попытки запретить «курантиром» печатать такие новости не привели быстро к результату, потому что «сие в краткое время установить невозможно, а особливе здесь в вольном правлении»¹¹. «Вольное правление» уже в силу типологических особенностей не позволяло пойти привычным путем и решить вопрос о запрете через юридический акт правителя. «Народ» пользовался «свободой», которую невозможно было представить в рамках организации власти в любой «короне». Принадлежность решающего голоса «народу» была важнейшей чертой республики. В письме 1713 года о «противностях в навигации» голландским торговым кораблям со стороны русских каперов, князь советовал Г. И. Головкину разрешить неприятную ситуацию через выплату денег, чтобы перетянуть на свою сторону «народное мнение», потому что *«как вам известно, что народное мнение в републиках есть действительное»*¹².

Стоит отметить еще один ресурс «республиканского опыта» князя, который транслировался через его исторические наброски. Понятие «республики» Б. И. Куракин использовал в подготовительных материалах к планируемой историческому сочинению, от которого до нас дошел или был написан только отрывок о правлении Петра I, названный публикаторами XIX века «Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних его людях»¹³. «Республиками» князь называл Новгород и Псков и планировал посвятить их истории отдельные главы в своей «Гистории». Это тем более примечательно, что все события русской истории до Ивана III должны были быть описаны в 11 главах, из которых две повествовали бы о «республике Новгороцкой» и «республике Псковской»¹⁴. Тем не менее, сама по себе «республиканская» интерпретация Новгорода и Пскова была далеко не очевидна для русской культуры конца XVII – начала XVIII века. Во второй половине XVIII века

¹⁰ АКФАК. Т. X / Под ред. В.Н. Смольянинова. М., 1902. С. 225.

¹¹ АКФАК. Т. IX / Под ред. В.Н. Смольянинова. Астрахань, 1901. С. 121.

¹² Там же. С. 26.

¹³ См. план сочинения в АКФАК. Т. I / Под. ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. С. 79–94.

¹⁴ Там же. С. 79.

Новгород превратится в символ республиканской свободы для России, а история Вадима Новгородского будет прочитываться как история русского Катона, боровшегося против «монархии» Рюрика. Но в начале столетия такой подход был скорее исключением, нежели правилом. К. Д. Бугров самой ранней версией республиканской интерпретации Новгорода считал «Ядро Российской истории», написанное около 1715 года¹⁵. Судя по всему, интерпретация Б. И. Куракина строится на сходных исторических источниках, но независима от «Ядра Российской истории».

Какую роль в представлениях Б. И. Куракина играла Швеция и как она встраивалась в систему противопоставлений «короны» и «республики»? Судя по всему, первоначально князь оценивал Швецию исключительно как «корону», в которой нет социальной группы, способной противопоставить себя правителю. Это он отмечал в своей ранней заметке, написанной в Вене в 1708 году. В этот период его интересовала история европейского дворянства, и он рассчитывал когда-либо написать работу о ценности древнего происхождения известных родов¹⁶. В свете этого интереса понятно обращение Б. И. Куракина к истории шведского дворянства. Описывая историю отношений дворянства и королевской власти в конце XVII века, он считал, что в Швеции нет аристократии как таковой, *«ни принцов, ни графов, ни баронов николи не бывало»*, есть только рядовое дворянство, которое приобрело свое имущество благодаря щедрости правителя. Это принципиально разнилось с ситуацией в России и Речи Посполитой, где князя *«все от кровей сродников своих наследственники»* и *«владельцы властные своих добр»*, *«их принципальства аппо preso per forza»*. Более того, даже рядовое «шляхетство» *«наследники и владельцы властные своим землям и служником»*, а *«каждый шляхтич имеет авторити и супремат властную над подданными от своего наследствия, come rediitari»*¹⁷.

На таком фоне Швеция воспринималась как страна, в которой не существует ограничения абсолютной власти короля. Однако постепенно все больше и больше интересуясь европейскими реалиями, изучая в рамках дипломатической службы особенности политической организации европейских государств, Б. И. Куракин начал корректировать свои первоначальные представления и оценки. В начале XVIII века можно было уже не просто писать о «короне» и «республике» как двух сторонах оппозиции, но и анализировать процесс перехода от первой ко второй. Именно здесь шведские события 1710-х годов стали наиболее востребованными, став основой специфического «республиканского опыта» для князя, т.е. наиболее понятной и известной попыткой ограничить «самодержавие», за которой можно было наблюдать практически *de visu*. В этом и состояла ценность шведских политических интриг и борьбы в этот период, потому что они позволяли видеть в «республике» не уже готовое состояние, как это было в случае Голландии, Венеции или Речи Посполитой, а различные элементы в становлении, «республику» как процесс, который требует со стороны правящей элиты некоего консенсуса и хотя бы относительно согласованных усилий в направлении ограничения королевской власти.

¹⁵ Бугров К. Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. Дисс.... док. ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 422–432.

¹⁶ АКФАК. Т. I ... С. 115–116.

¹⁷ АКФАК. Т. III ... С. 202.

Периодические попытки шведской правящей элиты перевести государственную политику в иное русло предпринимались как минимум с 1710 года, когда после Полтавской битвы впервые за долгое время по предложению Совета был созван риксдаг. Б. И. Куракин внимательно наблюдал за всем, происходившим в Стокгольме и собирал новости. Более того, именно князь был одной из важнейших персон в организации целой шпионской сети, поставляющей ценные сведения не только о состоянии шведской армии и флота, но и о настроениях шведского общества. В 1713 году Б. И. Куракин отметил политический процесс, в ходе которого в Швеции должна была быть ограничена королевская власть. Для начала сам князь в одном из писем Г. И. Головкину развел по разные стороны интересы правителя и интересы «отечества», признав, что поступки Карла XII могут противоречить потребностям Швеции. Он писал на основе новостей из Швеции, что *«сенат берет резолюцию созывать депутатов со всех провинций и обще с теми правительство свое привести в прежнее состояние, для того видят короля своего поступки, несходные с интересом его отечества, но только для своей одной каприции войну продолжает»*¹⁸. Вполне вероятно, что князь в письме использовал именно те обороты, что прочитал в «ведомости» из Стокгольма, но даже для этого он должен хотя бы гипотетически признавать существование интересов у «государства», а не только у его правителя.

Далее на основе уже новых уточненных сведений князь писал Г. И. Головкину и П. П. Шафирову о *«премене правления шведскаго»*. Здесь мы наблюдаем борьбу старого и нового «шляхетства», которые *«имели довольно между собою интриг о сукцессии короны по смерти короля их»*¹⁹. Именно «старое шляхетство» с А. Горном предлагало, вопреки воле короля, собрать представителей всех провинций и решить ряд насущных вопросов, в том числе о наследовании шведской короны. По версии Б. И. Куракина, основанной на попадавших к нему новостях из Стокгольма, «сенат» рассчитывал поставить Карла XII перед фактом, признав наследницей его младшую сестру Ульрику Элеонору²⁰. На тот момент князь не использовал понятия «республика» применительно к планировавшимся в Швеции нововведениям, хотя эти же события в «Гистории свейской войны» уже постфактум оценивались как попытки шведского правительства *«мир учинить и республику в Швеции сделать, для чего и сейм назначили»*²¹. Б. И. Куракин лишь оценивал их с точки зрения интересов царя, отмечая, что *«по всем тем новинам видится быть в Швеции не без замешания, что есть к великому авантажу интересом его царскаго величества и его алиатов»*²².

Тем не менее, в 1713–1714 годах добиться чего-то существенного оппозиция королевской власти в Швеции не смогла. Попытки ограничить королевскую власть продолжились уже после трагической гибели Карла XII. С 1718 года пристальное внимание европейской дипломатии было сосредоточено на Швеции. На Аландских островах шел своим чередом конгресс, который должен был поставить точку в

¹⁸ АКФАК. Т. IX ... С. 13.

¹⁹ Там же. С. 230.

²⁰ Там же. С. 228–229. См. также: *Lundquist C.L. Council, King and Estates in Sweden 1713–1714. Stockholm, 1975. P. 143–155.*

²¹ АКФАК. Т. I ... С. 415.

²² АКФАК. Т. IX ... С. 231.

затянувшейся войне на Севере. Пришедшие в разгар конгресса новости о гибели шведского короля Карла XII резко развернули не только историю Великой Северной войны, но и подстегнули русскую дипломатию, вынужденную следить за выбором шведской элиты. Политика Карла XII и его советника барона Г. Г. фон Гертца в предшествующие годы привела к росту недовольства не только среди простого населения Швеции, уставшего от войны и связанного с ней обнищания, но и правящей верхушки²³. В ситуации междуцарствия после гибели короля, продолжавшегося Аландского конгресса, идущих военных действий против шведской армии и флота Петру I нужно было отчетливо представлять себе все вероятные альтернативы в новом политическом курсе шведских властей.

В 1719–1721 годах шпионы русского правительства в Швеции предоставляли сведения не только по сугубо военным вопросам, но и относительно расстановки сил в политической борьбе. В частности, среди вопросов, предложенных некоему Т. Баральону, отправленному в Швецию как раз по инициативе Б. И. Куракина, был и вопрос о политической ситуации в Стокгольме. Тайный агент в Швеции в числе своих собеседников имел не только адмирала К.Х. Вахтмейстера, но и секретаря барона Г. Г. фон Герца А. Э. Штамке, от которого поступали сведения о противостоянии в правящей элите²⁴. В итоге, успешно ориентировавшийся во внутриполитической ситуации француз, допрошенный на Аландских островах, говорил, что Ульрика Элеонора *«уступила всякою властью, признавая, что она корону получила от чинов государства, а не по праву наследствия»*²⁵. Разрушение шведского «абсолютизма» признавал и Я. Брюс, писавший в своем донесении в том же 1719 году, что *«королевы власть едва ли лучше аглинской, а во ином случае и менши»*²⁶. Тем не менее, оба иностранца не пытались описывать новую «форму правления» в республиканском политическом дискурсе и не называли соответственно Швецию республикой, предпочитая интерпретировать новую расстановку сил как отступление в сторону английской парламентской монархии.

Мнение Б. И. Куракина строилось иначе. В своем черновом плане работы над историческим сочинением под названием «Ведение о главах в Гистории», соответствующий раздел должен был повествовать *«О избрании на королевство сестры королевской, о установлении в Швеции древняго правления республики и наследству не быть»*²⁷. Князь со всей очевидностью отсылал своего предполагаемого читателя к ранней истории шведского правления, в котором королей выбирали на престол. Такая ситуация продолжалась до 1544 года, когда Густав I Ваза в продолжение своих преобразований ввел наследственный порядок передачи престола. Впрочем, даже после утверждения наследственного принципа передачи трона каждый

²³ Scherp J. The Loss of Trust: the Ideological Opposition to the Regime of Charles XII as Expressed in the Trial of Baron Görtz // 1716. The Great Northern War. New Perspectives / Ed. by M. Hesselholt Clemmesen, N.B. Poulsen, A.S. Schøning. Odense, 2018. P. 69–85.

²⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1719 г. № 18. Л. 11–13.

²⁵ Там же. Л. 15.

²⁶ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 379.

²⁷ АКФАК. Т. I ... С. 92.

шведский правитель должен был давать королевское обязательство, предполагавшее ограничения его власти, и только Карл XII в 1697 году порвал с этой традицией²⁸. Теперь же отказ от принципа наследования в передаче трона привели к тому, что князь проводил параллель между Швецией и Речью Посполитой с ее выборным королем, а не между Швецией и Англией.

Как мы видим, для того, чтобы оценить произошедшее превращение, нужно было иметь соответствующие сведения об истории Швеции предыдущего периода, представлять себе ее систему правления. На этом этапе в распоряжении заинтересованной части правящей верхушки было достаточно материалов для сравнения. «Нынешнее состояние» Швеции при Карле XII и его преемниках можно было оценить благодаря документам, поступающим в Санкт-Петербург от иностранцев в рамках подготовки петровских преобразований конца 1710-х годов²⁹. Известия о Швеции и политических преобразованиях в ней продолжали идти в Санкт-Петербург и в начале 1720-х годов³⁰.

Поток сведений для русского дипломата, постоянного пребывающего при европейских дворах, строился иначе. О политической ситуации в Стокгольме он имел представление благодаря работе тайных агентов, переписке с корреспондентами по всей Европе или хотя бы чтению периодической печати, несмотря на зачастую сенсационность тех версий событий, которые в ней предлагались публике. Однако приведенная выше цитата «о древнем правлении республики» предполагала, что Б. И. Куракину была известна хотя бы в основных чертах история Швеции предыдущих полутора столетий. В распоряжении князя были сочинения, которые могли служить источником о «республиканском» прошлом Швеции, ее пути к «самодержавию» и перипетиях политической борьбы в XVI–XVII веках. Наиболее известным вариантом можно считать историческое сочинение С. Пуфендорфа, вышедшее в русском переводе под названием «Введение в историю европейскую». В нем целая глава была посвящена истории Швеции, начиная с древнейших времен и вплоть до конца XVII века. В парижской библиотеке Б. И. Куракина была оригинальная версия этого сочинения на немецком языке, а также французский перевод³¹. Судя по всему, в силу своих служебных потребностей французский язык князь освоил гораздо лучше, о чем свидетельствуют многочисленные издания на нем в описи библиотеки. По этим причинам из историй Швеции на французском языке Б. И. Куракин мог почерпнуть гораздо больше сведений для анализа превращений Швеции из «короны» в «республику». В его парижской библиотеке была не только история правления Карла XI, но и «*Les anecdotes de Suede*», написанные, предположительно

²⁸ Roberts M. *Age of Liberty. Sweden 1719–1772*. Cambridge, 1986. P. 1–7.

²⁹ См. Прокопенко Я. И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013. С. 333–337; Проекты барона фон Любераса (1710–1720-е годы) / Сост. и науч. ред. А. Мустафин. М., 2020. С. 180–211.

³⁰ Некрасов Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1975. С. 335–336.

³¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 3. Оп. 1 (Старая). № 74. Л. 386–386об.

И. фон Пуфендорфом, братом знаменитого юриста³².

Принципиальны выводы, которые мог составить на основе шведского «республиканского опыта» Б. И. Куракин. Однако препятствие состоит в том, что в его записках мы не встретим оценки республиканского пути развития, как нет оценок и «монаршического правления». Наблюдения М. А. Алпатова о том, что князь писал об английском парламенте с «явным сочувствием» и ему «было не по нутру всевластие Петра I, его идеалом была монархия английского типа», едва ли можно считать обоснованными³³. Описания политической организации европейских государств в исполнении Б. И. Куракин вполне нейтральны и не могут свидетельствовать о его предпочтениях. В той же «Гистории о царе Петре Алексеевиче и ближних его людях» князь описывал, как Петр I через «уничтоживанье» «первых фамилий» становился «наибольшим сувреном», а последствиями «дела царевича Алексея» стало то, что «суксессия оставлена от народу в волю его величества царского»³⁴, даже не пытаюсь оценить это с политической точки зрения. В виде исключения можно привести лишь несвойственное Б. И. Куракину сетование на «всевластие» Петра I, оброненное в разговоре с Ч. Уитвортом в 1723 году³⁵. Вероятно, стоит иначе подойти к этому вопросу и искать политические представления Б.И. Куракина не столько в предпочтениях им «короны» или «республики», сколько в сущности самой политической организации, где признак «всевластия» не был основополагающим. Вместо этого князь предлагал иную интерпретацию «политического», опираясь на «аристократический принцип».

Единственным источником, из которого можно более-менее отчетливо понять отношение князя к политической организации европейских государств, была серия записок об особенностях Венецианской Республики. Б. И. Куракин считал, что кризис Светлейшей связан с пренебрежением добродетелями истинных аристократов-патрициев и появлением в различных органах власти «подлых людей». Однако он говорил о принципе политической организации, а не искал преимущества в республиканском правлении как таковом. Само существование и развитие политического организма связано с той ролью, которую играли старинные роды. С этой точки зрения, правление, в котором вершины иерархии отведены утонченным и добродетельным аристократам, отвечало представлениям князя о правильной политической организации, без попыток свести все к оппозиции «короны» и «республики»³⁶. Отсюда проистекает и отсутствие комментариев по поводу превращения Швеции в «республику». Судя по запискам Б. И. Куракина, восприятие «республики» было более «инструментальным», шедшим от требований и специфики его службы, а не интеллектуального анализа. Здесь нет какой-либо отчетливой эксплуатации идей «республиканизма» в любой версии, существовавшей в Европе

³² Les Anecdotes de Suede, ou Histoire Secrette des Changemens Arrivés dans ce Royaume, sous le Regne de Charles XI. Stockholm, 1716. В описи библиотеке числилось как «anecdottes de Suede». См. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 1 (Старая). № 74. Л. 387.

³³ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М., 1976. С. 280–281.

³⁴ АКФАК. Т. I ... С. 64, 92.

³⁵ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2009. С. 449.

³⁶ АКФАК. Т. III ... С. 194–200.

начала XVIII века. В нашем случае стоит остановиться в выводах лишь на том, что служебная практика Б. И. Куракина и чтение политических сочинений расширяли систему его представлений, допуская существование ограниченной власти правителя, хотя он и не считал ее предпочтительной.

Возвращаясь к той связи, которую можно найти между Б. И. Куракиным и идеями «верховников» в 1730-м году, можно говорить, что идея «республики» как способа ограничения самодержавия вполне проявилась в событиях междуцарствия. Наивные наблюдения князя за развитием Венецианской республики были лишь описанием болезни, разъедающей политический организм. Шведские события были практическим применением ограничения власти правителя. Составить из двух этих отрывков цельную последовательность политических выводов Б. И. Куракин не смог, не успел или посчитал опасным для себя. «Аристократический идеал» князя как естественное следствие им же предложенного «аристократического мифа» русской и венецианской истории не обрел в его сочинениях какого-либо описания в стиле практического политического рецепта. Такой рецепт предложили члены Верховного тайного совета, предпочитая не рассчитывать на волю правителя, а заранее поставить его перед ограничениями власти. Спор об основных источниках идей «верховников» давно уже зашел в тупик, в силу разнообразия предложенных исследователями вариантов, от опыта Смутного времени до Д. Локка. Но не стоит игнорировать сами по себе примечательные параллели, даже если они и не становятся неоспоримыми подтверждениями тех или иных тезисов. При всех оговорках, но тот «республиканский опыт», который получил Б. И. Куракин из наблюдений за политическими событиями в Швеции в 1710–1720-х годах, мог быть вполне пригоден и для российской правящей элиты в 1730-м году, при том что, как показывает даже предварительное исследование в этом направлении, источников информации о произошедшем в соседнем государстве у русских сановников было достаточно.

Информация о статье

Автор: Рогожин Александр Александрович – кандидат исторических наук, Орловский музыкальный колледж, Орёл, Россия; ORCID: 0000-0001-6152-9408; e-mail: rogozhin_alexander@bk.ru

Заголовок: Швеция и «республиканский опыт» князя Б. И. Куракина (1676–1727)

Аннотация: В статье изучены политические представления известного дипломата петровской эпохи князя Б. И. Куракина (1676–1727) и его мнение о республиканской форме правления. Для князя «республика» была противоположностью «монархии», а переход от последней к первой может быть осуществлен через ограничение власти правителя. Это можно было наблюдать на примере Швеции конца 1710 – начала 1720-х годов, где королевская власть была ограничена после гибели Карла XII. Благодаря разветвленной системе тайных агентов, организованной русским правительством, использованию европейских новостных сетей, чтению исторических сочинений князь имел верное представление о прошлом и настоящем Швеции. В своих записках и письмах Б. И. Куракин оставил нам образ Швеции, в которой восстановлена «древняя республика», при этом не отдавая предпочтения новой форме правления. Наблюдения князя становятся ценным ресурсом, позволяющим понять, как именно интерпретировалось ограничение власти в Швеции представителями русской правящей элиты первой трети XVIII века.

Ключевые слова: Швеция, республика, форма правления, ограничение власти, политические идеи

Библиографический список

- Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976. 455 с.
- Архив князя Ф. А. Куракина. Т. I / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890.
- Архив князя Ф. А. Куракина. Т. III / Под ред. М. И. Семевского и В.Н. Смольянинова. СПб., 1892.
- Архив князя Ф. А. Куракина. Т. IX / Под ред. В. Н. Смольянинова. Астрахань, 1901.
- Архив князя Ф. А. Куракина. Т. X / Под ред. В. Н. Смольянинова. М., 1902.
- Бугров, К. Д. Политический кризис 1730 г. и идеология провиденциального монархизма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 2 (427). С. 96–104. DOI: 10.17223/15617793/427/12
- Бугров, К. Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. Дисс.... док. ист. наук. Екатеринбург, 2017.
- Бугров, К. Д.; Киселев, М. А. Республиканская идея в России в век Просвещения // Res Publica. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / Под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 311–398.
- Бушкович, П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 541 с.
- Киселев, М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. Т. 6 (153). С. 18–53.
- Корсаков, Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. 303 с.
- Курукин, И. В.; Плотников, А. Б. 19 января – 25 февраля: события, люди, документы. М.: Объединенная редакция МВД России, Квадрига, 2010. 275 с.
- Милюков, П. Н. Верховники и шляхетство. Ростов-на-Дону, 1905. 74 с.
- Некрасов, Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1975. С. 334–343.
- Польской, С. В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 г. // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX вв. Самара: Парус, 2001. С. 174–178.
- Прокопенко, Я. И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013. С. 323–337.
- Протасов, Г. А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Ученые записки. Тамбовский государственный педагогический институт. Вып. XV. Тамбов, 1957. С. 215–231.
- Проекты барона фон Любераса (1710–1720-е годы) / Сост. и науч. ред. А. Мустафин. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2020. 284 с.
- Седов, С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–63.
- Фейгина, С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 546 с.
- Щебальский, П. К. Вступление на престол императрицы Анны. М., 1859. 66 с.
- Lundquist, K. L. Council, King and Estates in Sweden 1713-1714. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1975. 215 p.
- Roberts, M. Age of Liberty. Sweden 1719–1772. Cambridge: Cambridge UP, 1986. 233 p.
- Scherp, J. The Loss of Trust: the Ideological Opposition to the Regime of Charles XII as Expressed in the Trial of Baron Görtz // 1716. The Great Northern War. New Perspectives / Ed. By M. Hesselholt Clemmesen, N. B. Poulsen, A. S. Schøning. Odense: University Press of Southern Denmark, 2018. Pp. 69–85.

Information about the article

Author: Rogozhin Alexander Alexandrovich — Candidate of Historical Sciences, Orel College of Music, Oryol, Russia; ORCID: 0000-0001-6152-9408; e-mail: rogozhin_alexander@bk.ru

Title: Sweden and the “Republican Experience” of Prince B. I. Kurakin (1676–1727)

Abstract: The article examines the political views of the famous diplomat of the Petrine era, prince B. I. Kurakin (1676–1727), and his opinion about a republican form of government. 'Republic' was the opposite of a 'monarchy' for the prince. The transition from the latter to the former can be realized by limiting the power of the ruler. This could be seen in the example of Sweden in the late 1710s and early 1720s, where royal power was limited after the death of Charles XII. Through an extensive system of secret agents organized by Russian government, the use of European news networks, reading historical works, the prince had a true representation of the past and present of Sweden. B. I. Kurakin

offered us an image of Sweden in his notes and letters. The “ancient Republic” was restored, but the prince didn’t give preference to a new form of government in this image. The prince’s observations themselves become a valuable resource that allows one to more accurately understand exactly how the limitation of power in Sweden was interpreted by representatives of the Russian ruling elite in the first third of the 18th century.

Keywords: Sweden, republic, form of government, limitation of power, political ideas

References

- Alpatov, M. A.* Russkaja istoricheskaja mys' i Zapadnaja Evropa (XVII – pervaja chetvert' XVIII veka) [Russian historical thought and Western Europe (XVII – the first quarter of the XVIII century).] Moscow: Nauka Publ., 1976. 455 p. (in Russian)
- Arhiv knjazja F. A. Kurakina [Archive of Prince F. A. Kurakin]. Vol. I. Ed. M. I. Semevsky. Saint Petersburg, 1890. (in Russian)
- Arhiv knjazja F. A. Kurakina [Archive of Prince F.A. Kurakin]. Vol. III. Ed. M. I. Semevsky i V. N. Smol'janinov. Saint Petersburg, 1892. (in Russian)
- Arhiv knjazja F. A. Kurakina [Archive of Prince F. A. Kurakin]. Vol. IX. Ed. V.N. Smol'janinov. Astrahan, 1901. (in Russian)
- Arhiv knjazja F. A. Kurakina [Archive of Prince F. A. Kurakin]. Vol. X. Ed. V.N. Smol'janinov. Moscow, 1902. (in Russian)
- Bugrov, K. D.* Formirovanie idej respublikanizma v rossijskoj obshhestvenno-politicheskoj mysli XVIII v. [Formation of ideas of republicanism in the Russian socio-political thought of the 18th century] Diss.... doc. ist. nauk. Ekaterinburg, 2017. (in Russian)
- Bugrov, K. D.* Politicheskij krizis 1730 g. i ideologija providencial'nogo monarhizma [The political crisis of 1730 and the ideology of providential monarchism], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*, 2018, no. 2(427), pp. 96–104. (in Russian). doi: 10.17223/15617793/427/12
- Bugrov, K. D.; Kiselev, M. A.* Respublikanskaja ideja v Rossii v vek Prosveshhenija [The Republican Idea in Russia in the Age of Enlightenment], in *Res Publica. Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do konca XX veka* [Russian republicanism from the Middle Ages to the end of the 20th century]. Ed. K. A. Solov'ev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 311–398. (in Russian)
- Bushkovich, P.* Petr Velikij. Bor'ba za vlast' (1671–1725) [Peter the Great. The Struggle for Power (1671–1725)]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., 2009. 541 p. (in Russian)
- Feigina, S. A.* Alandskij kongress. Vneshnjaja politika Rossii v konce Severnoj vojny [Aland Congress. Russia's foreign policy at the end of the Northern War]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1959. 546 p. (in Russian)
- Kiselev, M. A.* Forma pravlenija i social'naja ierarhija v rossijskoj politicheskoj mysli XVII – pervoj chetverti XVIII veka [Form of government and social hierarchy in Russian politics of the XVII and the first quarter of the XVIII centuries], in *Istoricheskij vestnik = Historical Bulletin*, 2013, vol. 6 (153), pp. 18–53. (in Russian)
- Korsakov, D. A.* Vocarenie imperatricy Anny Ioannovny [Accession of Empress Anna Ioannovna]. Kazan, 1880. 303 p. (in Russian)
- Kurukin, I. V.; Plotnikov, A. B.* 19 janvarja – 25 fevralja: sobytija, ljudi, dokumenty [January 19 – February 25: events, people, documents]. Moscow: Objedinennaja redakcija MVD Rossii, Kvadriga Publ., 2010. 275 p. (in Russian)
- Lundquist, K. L.* Council, King, and Estates in Sweden 1713–1714. Stockholm: Almqvist & Wiksell Publ., 1975. 215 p. (in English)
- Miljukov, P. N.* Verhovniki i shljahetstvo [The leaders and the nobility]. Rostov-na-Donu, 1905. 74 p. (in Russian)
- Nekrasov, G. A.* Uchrezhdenie kollegij v Rossii i shvedskoe zakonodatel'stvo [Establishment of colleges in Russia and Swedish legislation], in *Obshhestvo i gosudarstvo feodal'noj Rossii* [Society and the state of feudal Russia]. Ed. V. T. Pashuto. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 334–343. (in Russian)
- Pol'skoj, S. V.* «Shvedskij obrazec» i popytka ogranichenija samodержavija v Rossii v 1730 g. [“Swedish model” and an attempt to limit autocracy in Russia in 1730], in *Problemy nacional'noj identifikacii, kul'turnye i politicheskie svjazi Rossii so stranami Baltijskogo regiona v XVIII-XX vv* [Problems of national identification, cultural, and political ties between Russia and the countries of the Baltic region in the 18th–20th centuries]. Samara: Parus Publ., 2001, pp. 174–178. (in Russian)
- Proekty barona fon Ljuberasa (1710–1720-e gody)* [Projects of Baron von Luberass (1710–1720s)]. Comp. and scientific ed. A. Mustafin. Moscow: Vysshaya shkola jekonomiki Publ., 2020. 284 p. (in Russian)
- Prokopenko, Y. I.* «Politicheskij inzhener» Genrih fon Fik i fenomen reform Petra I [“Political engineer” Heinrich von Fick and the phenomenon of the reforms of Peter I], in *Fenomen reform na zapade i vostoce Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.)* [The Phenomenon of Reforms in the West and East of Europe at the Beginning of Modern Times (XVI-XVIII centuries)]. Ed. M. M. Krom, L. A. Pimenova. St. Petersburg: Evropejskij universitet Publ., 2013, pp. 323–337. (in Russian)

- Protasov, G. A. «Kondicii» 1730 g. i ih prodolzhenie [“Conditions” of 1730 and their continuation], in *Uchenye zapiski. Tambovskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut = Scientific notes. Tambov State Pedagogical Institute*, 1957, iss. XV, pp. 215–231. (in Russian)
- Roberts, M. *Age of Liberty. Sweden 1719–1772*. Cambridge: Cambridge UP Publ., 1986. 233 p. (in English)
- Schebal'skij, P. K. *Vstuplenie na prestol imperatricy Anny* [Accession to the throne of Empress Anna]. Moscow, 1859. 66 p. (in Russian)
- Scherp, J. *The Loss of Trust: The Ideological Opposition to the Regime of Charles XII as Expressed in the Trial of Baron Görtz in 1716. The Great Northern War. New Perspectives* / Ed. M. Hesselholt Clemmesen, N. B. Poulsen, A. S. Schøning. Odense: UP of Southern Denmark, 2018, pp. 69–85.
- Sedov, S. A. *Popytka gosudarstvennogo perevorota 1730 goda v Rossii* [Attempt of coup d'état of 1730 in Russia], in *Voprosy istorii = Questions of History*, 1998, no. 7, pp. 47–63. (in Russian)

Для цитирования статьи:

Рогожин, А. А. Швеция и «республиканский опыт» князя Б. И. Куракина (1676–1727). *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 50–61. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-50-61

For citation:

Rogozhin, A. A. Sweden and the “Republican Experience” of Prince B. I. Kurakin (1676–1727). *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 50–61. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-50-61